

- ² Ильин И.А. Основы христианской культуры // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 323.
- ³ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 56.
- ⁴ Там же. С. 350.
- ⁵ ? 14, С. 350.
- ⁶ Новгородцев П.И. Существо русского православного правосознания // Новгородцев П.И. Соч., М., 1995. С. 411.
- ⁷ Гончаров С.З. Концепция воспитания в вузе // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской Академии образования. 2002. № 5 (17).
- ⁸ Ильин И.А. О чувстве ответственности // Ильин И.А. Наши задачи: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 262.
- ⁹ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. С. 66.
- ¹⁰ Новгородцев П.И. Существо русского православного правосознания. С. 409.
- ¹¹ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. С. 56.
- ¹² Ильин И.А. Борьба за Россию // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1999. Т. 9—10. С. 327.
- ¹³ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. С. 59.
- ¹⁴ Ильин И.А. О русской идее. С. 59.
- ¹⁵ Слово святейшего Патриарха Алексия II на Рождественских чтениях в январе 1999 г. // Православная газета. Екатеринбург. 1999. № 3.
- ¹⁶ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. С. 56, 95.
- ¹⁷ Сковорода Г.С. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1. 142.
- ¹⁸ Юркевич П. Д. Филос. произв. М., 1990. С. 69, 82.
- ¹⁹ Ильин И.А. О русской идее. С. 323.
- ²⁰ Там же. С. 329.
- ²¹ Ильин И.А. О русской идее. С. 329.
- ²² Там же. С. 327.
- ²³ Там же. С. 324.

И.С.БУСЫГИНА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Специфические обращения к психическим проявлениям русского или российского менталитета, анализ составляющих психологии русского народа нечасто попадают в фокус внимания психологов.

История любого народа показывает, что в процессе его формирования складывается определенный психический тип со стойкими чертами, как результат восприятия обычаев, привычек, жизненного уклада, традиций прежних поколений общения с соседями и т.д. Психические переживания, историческая память народа передается новым поколениям не стихийно и пассивно, а через духовную культуру, в процессе воспитания.

Позднее это психологическое образование стали называть «душа народа» или национальный характер. Термин «национальный характер» скорее описательный, чем аналитический. Первоначально он использовался в воспоминаниях путешественников, которые стремились выразить образ жизни народа¹. В дальнейшем, говоря о национальном характере, одни авторы подразумевали прежде всего темперамент, другие обращали внимание на личностные черты, третьи — на ценностные ориентации, отношение к власти и т.д.

Эта проблема до сих пор остается открытой по той причине, что национальный характер является трудно уловимым явлением, вели-

чиной эфемерной. Данный факт отмечают все исследователи этнического характера независимо от их воззрений. «Все признают, что он есть, но при попытке определить его в слова, — он часто исчезает, или усматриваешь в нем то, что присуще не только конкретному народу, а всему человечеству»².

Отдельные элементы знаний национальной психологии, наблюдений за национальным характером можно найти в трудах Гиппократов и «Истории» Геродота. Следующий виток в развитии зарождающихся наук — этнологии и этнопсихологии — был совершен в XVIII в. Сходные мнения были у французского просветителя Ш. Монтескье и германского философа И.Г.Гердера. Они полагали, что существует прямая зависимость психических компонентов от климата, ландшафта, религии, законов. Однако основателями новой дисциплины считаются немецкие ученые М. Лацарус и Г.Штейнталь. Они определяют национальный характер, дух народа следующим образом: «Это не есть нечто пребывающее и неизменное, он меняется в истории, но в то же время конкретный национальный дух заключает в себе неизменное ядро, которое само определяет все изменения духа».

Современные отечественные исследователи этой проблемы определяют национальный характер как представление народа о самом себе, важнейший элемент его народного самосознания, совокупность этнического «Я». Более общее понятие дает В.Садохин: «Это целостная структура, отражающая специфику исторически сложившихся свойств психики, которые отличают один этнос от другого»³.

Проблема национального характера — это проблема, связанная с определением народа как самобытного, уникального, целостного субъекта истории, который обладает определенными индивидуальными, психологическими особенностями. Другими словами, любой этнос является историческим образованием, и его духовное содержание не существует вне исторического процесса. Следовательно, народ нельзя описать только при помощи абстрактной совокупности признаков, а лишь сквозь призму его культурно-исторического опыта.

В России этот вопрос занимает умы виднейших деятелей, писателей, философов, историков уже не первое столетие. Русские мыслители всегда пытались понять причину «загадочной русской души». Писатели отображали ее средствами художественного творчества; историки и философы — в научных трудах (Н.Я.Данилевский, Н.О.-Лосский, Н.А.Бердяев, И.А.Ильин).

Сложно найти писателя или поэта, который бы не затронул этот вопрос в своих произведениях, где особенности характера русского человека особенно ясно вырисовываются и кристаллизуются. В подтверждение этому достаточно вспомнить творчество А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Н.А.Некрасова с поисками счастья, лучшей доли. Нельзя также не упомянуть, что словосочетанию «русский характер», «русская душа», которое ассоциируется в нашем сознании с чем-то загадочным, неуловимым и таинственным, мы обязаны Ф.М.Достоевскому.

Эти авторы, описывая русский народ, по большей части делали акцент на его положительных качествах, достоинствах. Читая их

произведения, невольно проникаешь уважением к русскому человеку. Но, естественно, существовала и противоположная точка зрения. Особенно защищали ее русские эмигранты после Октябрьской революции. Они писали статьи, письма и книги, посвященные русскому характеру, в которых критиковали русский народ за лень, безответственность, рабскую душу. Особенно много внимания они уделяли так называемому «русскому мессианству», идея которого была сформулирована еще на рубеже XV — XVI вв. старцем Елеазарова монастыря Филофеем (учение «Москва — Третий Рим»). Русские эмигранты называли это «вселенской русской спесью», от которой необходимо для блага всего человечества как можно скорее избавиться.

Рассмотрим логику становления современной психологии русского, точнее постсоветского человека, для чего обратимся к ретроспективному анализу условий ее формирования. В течение тысячелетнего существования русского государства, когда формировались бессознательные архетипы и складывался традиционный менталитет, этот процесс сопровождался воздействием ряда условий, влияющих на скорость, направления и специфику процесса. К ним, в частности, относятся природно-климатический, географический, политический, религиозный и другие факторы.

Историки, рассматривающие эти факторы (С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, С.В.Бушуев), полагали, что при прочих равных внутренних условиях развития, внешние условия сильно затрудняли развитие России по сравнению с другими странами.

Влияние природно-климатического фактора на специфику русской истории отмечали практически все исследователи. С.М.Соловьев писал, что если для Европы природа была матерью, то для России — мачехой. Суровый климат с резкими колебаниями делал цикл сельскохозяйственных работ очень коротким — всего 120—130 дней. Это занимало время примерно с конца апреля до конца сентября. В течение последних четырех — пяти столетий русский крестьянин находился в ситуации, когда худородные почвы требовали тщательной обработки, а времени на нее у него просто не хватало, как и на заготовку кормов для скота. Находясь в жесточайшем цейтноте, пользуясь довольно примитивными орудиями, крестьянин мог лишь с максимальными усилиями обработать свою пахню. Его жизнь, чаще всего напрямую зависела от плодородия почвы и капризов природы. Практически это означало для крестьянина неизбежность труда от рассвета до заката, с использованием труда детей и стариков, труда женщин на мужской работе ...

Для сравнения крестьянину в Европе такого напряжения сил никогда не требовалось, так как сезон работ был там гораздо дольше. Перерыв в полевых работах в некоторых странах был удивительно коротким — 1,5—2 месяца. Безусловно, это обеспечивало более благоприятный ритм труда.

Природно-климатический фактор во многом определял уклад жизни: в период сельскохозяйственных работ — максимальная затрата сил, после уборки урожая — спад. Многие историки, а позднее и психологи считают, что подобный уклад напрямую отразился на психологии русского народа. Прежде всего речь идет о способнос-

ти русского человека к крайнему напряжению сил, концентрации на сравнительно протяженный период времени всей своей физической и духовной энергии. Вместе с тем дефицит времени, веками отсутствующее соотношение между качеством земельных работ и урожайностью хлеба не способствовало выработке привычки тщательности, аккуратности в работе.

С другой стороны, тяжелые условия труда, сила общинных традиций, внутреннее ощущение общей опасности дали почву для развития у русского человека необыкновенного чувства доброты, коллективизма, готовности к помощи, вплоть до самопожертвования. Именно эта ситуация во многом способствовала становлению также и отличительного типа «русского интеллигента».

О влиянии природных условий на склад характера великоросса прекрасно писал В.О.Ключевский: «Россия со своими лесами, топями, болотами на каждом шагу представляла тысячи мелких опасностей, с которыми приходилось поминутно бороться. Это приучало русского человека следить за природой, смотреть в оба, развивало в нем изворотливость в мелких затруднениях и опасностях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями»⁴.

Невозможность рассчитать план действий привела русского к определенной манере мышления. Житейские неровности и случайности приучили его больше обсуждать пройденный путь, чем думать о будущем, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед. В борьбе с неожиданными августовскими морозами и январской оттепелью русский народ стал более осмотрителен, чем предусмотрителен, выучился больше замечать следствия, чем ставить цели. Это умение и есть то, что мы называем «задним умом». Своенравие климата и почвы, обманывая самые скромные ожидания великоросса, приводит к неожиданным поворотам. Привыкнув к обманам природы, расчетливый великоросс может, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть русское «авось»⁵.

Географическая среда обитания и деятельность человека всегда находится в единстве с развитием общества. Географические особенности оказывают значительное воздействие на общественное развитие, ускоряя или замедляя его темп, влияя на общественное разделение труда, форму государственного устройства, формируют национальную психологию, культуру народа. Географические, природные и климатические условия Восточной Европы заметно отличаются от условий Западной Европы. Берега Западной Европы сильно изрезаны внутренними морями и глубокими заливами, усеяны множеством островов. Извилистое очертание западных стран — характерная черта западноевропейских государств, тогда как огромное пространство России как будто является продолжением равнины и плоских возвышенностей Центральной и Северной Азии. Выхода к морям Россия добилась сравнительно в позднее время, да и сами эти моря большей частью замерзающие, не оказали такого влияния на развитие государства, как это было в Западной Европе. Россию в этом отношении можно назвать Европой континентальной в противоположность Европе морской.

Поверхность Западной Европы крайне неровна. Почти в каждой европейской стране идет центральная или продольная горная цепь, которая как будто служит хребтом страны. В европейской же части России нет точки выше 500 м. Гряда Уральских гор оказывает слабое влияние на характер поверхности. Таким образом, Россию можно образно назвать Европой равнинной в противоположность гористой Европе.

Совместное влияние этих двух факторов привели к феномену, который Н.А.Бердяев описал как «власть пространства». Он пишет о том, что огромные пространства легко давались русскому народу, но больших сил требовала организация этих пространств в единое государство. Государственное овладение необъятными русскими пространствами подчиняло всю жизнь человека государственным интересам, подавляло личную свободу, ограничивало развитие самостоятельности.

По мысли Н.Бердяева, «русская душа ушиблена ширью», она находится под своеобразным гипнозом безграничности русских полей. Такую территорию сложно контролировать, владеть ею. Поэтому духовная энергия русского человека уходит внутрь, в созерцание. Этот же фактор повлиял и на отсутствие у русских искусства форм, и в отступательной тактике в войнах, когда русские уповали на то, что Мать-земля их сама собой спасет, утопив в своей безмерности неприятелей, и в очень слабо выраженной самодеятельности и активности русского человека. Впрочем, отсутствие самодеятельности, по мнению философа, это и результат боязни государства, которое слагало с русских бремя ответственности за свою страну. Так пространство из географического фактора переходило в психологический ⁶.

Интересно писал об этом же феномене русской географии и психологии Д.С.Лихачев. В «Заметках о русском» он делает анализ национальной психологии, опираясь на строй русского языка, истории литературы и искусства. «Для русских природа всегда была свободой, волей, привольем. Прислушайтесь к языку: погулять на воле, выйти на волю. Воля — это отсутствие забот о завтрашнем дне, это беспечность, погруженность в настоящее... Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Например, чем отличается воля от свободы? Воля — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с понятием тесноты, лишением человека пространства. Эта тема нашла отражение в фольклоре и искусстве. Это и воля вольная, как огромные пространства. Это и русская удаль, т.е. храбрость, помноженная на простор, в широком движении. И в русской пляске — стремление занять как можно больше места. И в русской протяжной песне — тоска по простору. И в быстрой езде, и в летописях, былинах — восторг перед пространством» ⁷.

Политический фактор. В.Соловьев называл это условие «фактором соседства». Можно предположить, что это обстоятельство определило такие черты национального характера, как терпимость, отсутствие национализма. Однако историческое существование русского народа крайне осложнило такой фактор, как есте-

ственная открытость границ русских земель для нападения многочисленных, сменявших друг друга кочевых народов, а позднее нашествий с Запада. Русские территории не были защищены естественными преградами: их не ограждали ни моря, ни горные цепи. Данное обстоятельство использовали соседние народы и государства: Польша, Швеция, Германия, Франция, с одной стороны, и кочевники Великой степи — с другой. Постоянная угроза военных вторжений и открытость пограничных рубежей требовали от русского народа колоссальных усилий по обеспечению своей безопасности, значительных материальных затрат, а также людских ресурсов. Более того, интересы безопасности требовали концентрации народных усилий, вследствие чего роль государства чрезвычайно возросла.

Весьма неоднозначное отношение сложилось у историков к татаро-монгольскому игу. По мнению некоторых исследователей, «ига», как постоянного массового физического угнетения, вообще не было. Психологически это был фактор постоянной зависимости от внешних врагов. Фактор унижения и, одновременно, фактор их вынужденного почитания. Вследствие этого у людей возникал вполне естественный страх перед нашествиями, который заставлял селиться вместе, постепенно формировал психологию групповой самообороны. Все это способствовало формированию особого чувства общности «мы», — людей, вынужденных противостоять внешним противникам — «они». Жесткое разделение на «мы» и «они», естественно, психологически сплачивало массу.

Анализ показывает, что практически вся история восточных славян — это история непрерывных оборонительных войн с внешними захватчиками. Причем все внешние нашествия удавалось отбить не сразу — избавиться от них становилось возможным только спустя длительное время, по мере накопления необходимой для противостояния массы и истощения противника. Хотя порабощения не давали развиться индивидуальному сознанию ни элиты, ни, тем более, низших слоев, они усиливали массовое сознание и всю массовую психологию, укрепляли психологическое единство народа.

Религиозный фактор. Если рассмотренные выше факторы сформировали темперамент, навыки и привычки русского народа, то религия — православие — воспитала их душу. И Запад, и Россия страны христианские, однако христианство попало сюда через разных посредников: на Запад — через Рим, в Россию — через Византию. Соответственно, в западном католическом и восточном православном христианстве не могли не отразиться особенности римской и греческой цивилизаций. По мнению Н.Я.Данилевского, эллинский тип был типом культурным, и преимущественно художественно-культурным, римский же — политическим⁸ Поэтому религия эллинов получила исключительно эстетический характер, религия римлян — политический.

Другая характерная черта римской цивилизации — ее рационализм. Неслучайно всесторонне разработанная система права — римское право — появилось именно в Риме. Отличительный склад римского ума заключался в том, что в нем рассудочность брала перевес над внутренней сущностью вещей. Для греков же была характерна

некоторая иррациональность, склонность к тонкому анализу, эстетизму.

Византийское православие, приняв религиозные и духовные традиции Древней Греции, соединило их с истинно присущим Востоку духовным поиском истины, внутренним созерцанием. Поэтому Русь, приняв идеи греческо-византийского православия, стремится к истине, в первую очередь, через внутренние поиски, возвышение самосознания.

Православие также оказало значительное влияние на формирование отношения к счастью у русского человека. Основная идея церкви была взята из Евангелия от Матфея: «Блаженны плачущие». Согласно этой идее, счастье является сверхъестественным даром, заслугой за нравственные добродетели и прежде всего за терпение и кротость в борьбе с трудностями, за лишения и страдания в земной жизни. Вместе с религиозным сознанием в этической проблематике счастья усиливалась тема аскезы, страдания, отказа от искушений и чувства удовольствий.

По данным социологических исследований последних лет в среднем до 75 % россиян в той или иной мере не удовлетворены жизнью⁹. Эти показатели гораздо выше тех, которые выявляются в зарубежных опросах. Однако некоторые исследования показывают, что счастье чаще всего не определяется одним материальным положением. Поэтому логично предположить, что на показатели субъективного ощущения счастья и удовлетворенности жизнью людей существенное влияние оказывают культура и традиции, так как в процессе исторического развития сформировались некоторые общие представления о счастье-несчастье, определенный уровень жизненных запросов, точка отсчета и механизмы сравнений и оценивания счастья.

В отношении российских традиций и российского менталитета наиболее важной нам представляется присущая русскому человеку доброжелательная тональность при восприятии несчастья и тех, кто несчастен. В этом восприятии нет никакого осуждения или уничижения, нет каких-либо намеков на неполноценность или ущербность личности. Напротив, есть мотив поддержки и настроенности на лучшее. Доброжелательный тон русского человека по отношению к несчастью обуславливается пониманием несчастья не только как удара судьбы, от которого никто не застрахован, но и как жизненного испытания, которое надо достойно пройти.

Становится понятно, что доброжелательно-сочувственная тональность сознания определила и характерную для русских людей откровенность в отношении к своим бедам и страданиям, которые обычно не скрываются от других. Русским людям свойственна привычка «поведать» о своем горе, не сомневаясь при этом, что их поймут, искренне утешат и помогут, чем смогут. И в то же время есть противоположная привычка не говорить о своем счастье, иначе можешь «накликать беду». Взаимное влияние этих факторов приводит к тому, что русский человек старается принизить не только в глазах окружающих свое состояние «счастливости», но и уменьшает его субъективное переживание.

Счастье воспринимается русскими людьми как нечто непостоянное, преходящее, хрупкое, что легко потерять. А несчастья долго-

временны, устойчивы и вечны. Следовательно, надо довольствоваться тем, что имеешь, чтобы не было еще большего несчастья. Основная стратегия поведения ориентирована на то, что есть и чем уже реально обладаешь. Счастье выделяется не из ощущения «счастливости», а из отрицание своей противоположности. Принцип восприятия счастья — это «когда нет несчастий»¹⁰.

Подобное «дистанцирование» и даже «боязнь» счастья отмечают многие исследователи. Некоторые авторы отмечают, что для подобного переживания счастья характерны высокий уровень нравственного самосознания личности, обостренное чувство справедливости, нравственная рефлексия. Эта «боязнь» счастья связана прежде всего с чувством внутренней неловкости и совестливости, ощущением собственной вины за происходящее, ответственности за царящее в мире зло и страдания. На эти своеобразные барьеры счастья и собственного благополучия указывали и многие другие представители российской духовной интеллигенции. «Мне было бы стыдно иметь деньги, бриллианты, сберкнижки. Стыдно, я не смогла бы» (Ф.Г.Раневская).

К.Касьянова объясняет причину направленности русского человека на несчастье несколько иначе. Характеризуя русского человека, она обращает внимание на его умеренность, окрашенность мироощущения в тона неинтенсивные и немажорные. Проявление эмоций очень сдержанное. Но так как русский народ очень сопереживающий и сочувствующий, то в горе и несчастье другого дается как бы «разрешение» на проявление эмоций в его сторону. Поэтому русский человек, нуждаясь в положительных эмоциях, провоцирует, чтобы его утешали, сопереживали ему. В свою очередь, он всегда готов на ответные реакции.

Тем не менее, нельзя говорить о тотально пессимистичном настроении народа. Для эффективного выживания людей, для их жизнеспособности переживание чувства счастья просто необходимо. Поэтому можно предположить, что у русского человека сложился определенный компенсаторный механизм: недостаток счастья компенсировался в русском народе его устремленностью в завтрашний день, надеждами и мечтами о благополучном и счастливом будущем, стремлением к смыслу жизни.

Однако надо признать, что подобное умонастроение в большей мере присуще интеллигенции. К сожалению, современное российское общество, разрушив старые идеалы, еще не создало новых. У людей нет общих ценностей, духовных идеалов, чувства общности. Поэтому направленность счастья за последние годы изменилась. Если в советское время счастье должно было быть общественным, то сейчас счастье становится личным переживанием. Оно сконцентрировалось на уровне «я — моя семья — личные цели». Людям старшего возраста приходится тяжелее всего. Их идеалы стали неактуальными, а новых они не могут принять. По данным социологических исследований именно эта категория людей считает себя наиболее несчастливыми.

У молодого поколения 90-х гг. XX в. не смогли сложиться представления о счастье людей советского периода, и не успели сложиться ценности 25—30-летних людей. Исследователи этой про-

блемы отмечают, что сегодня есть все основания говорить о новой «вспышке гедонистических установок и настроений в обществе»¹¹. Социологические исследования показывают, что в системе ценностных ориентаций современной российской молодежи стремления к развлечениям и удовольствиям, веселому и приятному времяпрепровождению прочно занимают вторую позицию после материального дохода.

Однако многие социологи и психологи утверждают, что подобное стремление к чувственным удовольствиям есть защитный способ ухода от трудностей реальной жизни, от нарастающих проблем; это способ создания внутренней иллюзии раскрепощенности и свободы. Удовольствия дают возможность почувствовать себя не обремененным заботами быта, сложными размышлениями над вечными вопросами о том, правильно ли мы живем и как жить дальше.

Итак, на специфические черты психологии русского национального характера исторически влиял целый ряд факторов, обеспечивших в итоге комплекс его особенностей. Большое количество ученых, писателей, историков, поэтов обращали внимание на эти специфические черты. Так, основными чертами характера русского человека, А.И.Солженицын называл следующие:

- доверчивое смирение с судьбой: русские всегда одобряли смиренных, смиренных, юродивых;

- сострадательность; готовность помогать другим, делясь своим насущным; способность к самопожертвованию;

- вообще вера как главная опора характера. Отсюда и пословицы, подобные таким: «Бедность — не порок», «Больше горя — ближе к Богу», «Терпение лучше спасения».

- «не погоня» за внешним жизненным успехом, за богатством, довольство умеренным достатком. Характеризуют пословицы вроде: «Кто малым не доволен, тот большого не достоин».

- естественная непринужденность, простота в поведении (и вплоть до изрядной простоватости);

- юмор, в большой доле; многогранно и выразительно сверкают им русские пословицы;

- широта характера, размах решений: «Чем с плачем жить, так с песнями умереть».

Научные исследования призваны систематизировать эти эмпирические наблюдения. Отечественные психологи, среди которых можно назвать имена К.Касьяновой, З.Сикевича, И.Джидарьяна, В.Дружинина, обобщили полученные писателями, историками и философами наблюдения, проведя соответствующие исследования, привели все знания в единую систему.

Исходя из идеи психиатра Е.Кемпинского о том, что в целом нацию можно описать по распространенному в ней акцентуированному типу личности, К.Касьянова относит русского человека к эпилептоидному типу. Современная психиатрия так характеризует эпилептоида: «В нем постоянно присутствует противоречивость, упорство — внутренняя активность сочетается с апатией. Эпилептоид выраженный циклоид — человек, подверженный сильным колебаниям состояния, настроения и активности. За исключением того времени, когда депрессия слишком велика, такой человек имеет тен-

денцию быть уступчивым, доброжелательным, великодушным, эмоционально отзывчивым к своему окружению. Уныние и депрессия в одни периоды, душевный подъем и сверхактивность в другие, по видимому, проявление внутренних факторов, а не реакция на внешние события».

Для спокойного периода эпилептоида характерно то, что называется апатичностью и упрямством. В это период он уравновешен, и вывести его из этого равновесия крайне трудно. Когда же начинается эмоциональное возбуждение, то этот процесс долго остается скрытым. Эпилептоид задерживает эмоциональную реакцию, он как бы накапливает в себе заряд. И когда он уже как следует «зарядился эмоцией», любой мелкий повод как бы срывает клапан: эпилептоид взрывается чрезвычайно бурно и сокрушительно. Когда все эмоции сброшены, он успокаивается сам. В такие периоды эпилептоид очень плохо себя контролирует»¹².

В характере эпилептоида выделяют одну доминирующую черту — основательность. Прежде чем эпилептоид приступит к делу, он должен все приготовить, часто подготовительный этап затягивается. Для эпилептоидного типа личности характерна и такая черта, как невероятное упрямство, когда дело касается принципиальных вопросов. У русского человека это выразилось в так называемом «судейском комплексе». Для нашей культуры «судейский комплекс» — это способность отвлекаться от субъективных побуждений, желаний и стремление руководствоваться принципами объективной истины¹³.

Можно ли описывать наш этнический характер в терминах акцентуированной личности эпилептоидного типа? В общем, чувствуя свой этнический тип, можно сказать, что что-то от эпилептоида в нем есть: замедленность и способность задерживать свою реакцию, стремление работать в своем ритме, основательность, долгое приготовление к действию (поговорка о том, что русские «долго запрягают») и т.д.

Однако некоторые черты эпилептоида очень сложно приложить к русскому человеку. Например, некоторая изолированность и некооперативность эпилептоида не увязывается со стремлением к коллективизму русского народа. Так же мало подходит к нашему народу способность достигать своих целей, невзирая на обстоятельства и весьма прямолинейным способом.

К.Касьянова объясняет это следующим образом: психиатры описывают эпилептоида как больного человека, а в болезни с человека спадают культурные наслоения. При слабой же выраженности составляющих его черт он пластичен и поддается культурной обработке. Касьянова выдвигает осторожную гипотезу, что в процессе формирования национального характера под влиянием культуры, генотип мог смягчаться и размываться. Однако его главные характеристики сохранились. Таким образом, «портрет» нации — «это продукт длительного взаимодействия между природой и культурой».

Однако, специфические особенности любого характера подвержены изменениям, и при правильно организованном воздействии вполне можно изменить (окультурить или наоборот) и черты национального характера. Здесь решающими факторами могут выступать

крупные события национального масштаба и революционного характера. Так, этнограф М.Мид выделяет три типа культуры — префигуративную, постфигуративную и кофигуративную. Для России в течение тысячелетий был характерен постфигуративный тип культуры, это было общество, основанное на традициях, преемственности. Затем наступает кризис этого типа культуры, который «...может возникнуть разными путями: как следствие катастрофы, в которой погибает все старшее население; в результате развития новых форм техники, неизвестных старшим: в результате обращения в новую веру... или же в итоге мер, сознательно осуществленных какой-нибудь революцией, утверждающей себя введением иных стилей жизни для молодежи». Таким образом, в России был сформирован кофигуративный тип культуры, с характерной моделью поведения, при которой все ценности, нормативы и перспективы формируются сегодня, сообщая, ориентируясь на сверстников и игнорируя традиции.

Тоталитарный период сформировал новый тип мировоззрения: человек стал чувствовать себя маленьким винтиком в большой машине коммунистической партии. Каждый перестал ощущать себя индивидуальностью, которую ценят и уважают за ее заслуги. В революционной России воспитанием занимались церковь и семья. В советскую эпоху воспитанием новых поколений занимались идеологи. Семейные ценности декларировались как второстепенные, менее значимые по отношению к классовым приоритетам. Психологи диагностируют, что по мировосприятию и мировоззрению был сформирован новый тип человека — *советский человек*.

В теории и практике коммунизма идеологи занимались социальной психотерапией. По мнению психологов, проникновение марксизма в Россию было обусловлено идеализмом российского общественного сознания, стремлением к идеалу, утопизмом, приматом веры над здравым смыслом и рационализмом. Именно в силу этого тоталитарной власти в течение десятков лет удавалось поддерживать веру в абстрактный идеал коммунизма, несмотря на все большую очевидность его вопиющего противоречия с реальностью.

Воспитание советского человека было представлено целостной, формирующей личность системой. С первых лет жизни каждый ребенок видел портреты вождей. Ему внушалось, что именно эти люди обеспечивают его счастливое детство. Самые яркие, незабываемые дни — это революционные праздники. Именно в эти дни бывали демонстрации, спектакли, гости, подарки, оркестры и веселье.

Образ вождя входил в личную жизнь каждого человека. Биографии вождей изучались уже в дошкольных учреждениях. Причем полноценным признавалось так называемое организованное воспитание, с неизменным посещением детских яслей и детского сада. Кроме того, вожди обязательно входили в жизнь многих семей. Их дни рождения праздновались как семейные праздники, а даты смерти являлись траурными днями. Чаще всего вожди были чиновниками, сидящими в кабинетах и отдающими распоряжения устно или по телефону. Одно из первых мест в идеологическом воспитании принадлежало искусству. Вспоминаются строки из песни: «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой — в горе, надежде и радости». Пере-

ход из одной возрастной категории в другую можно было сравнить с обрядом инициации, которая закрепляла социальный статус личности.

Таким образом, существовала сложная, стройная, разработанная во всех мелочах система идеологического воспитания советского человека. Она приводила к формированию особого менталитета. По мнению Л.М.Кроля (1998) российский менталитет твердо усвоил правило: «Три «нет»» — потом, может быть, «да» — на всякий случай на любой вопрос выстрелить батареей «нет» — реакций вербального и невербального свойства. Всяческие отстранения, невовлечения, уходы — пышный цвет бытового негативизма — является психологическим фоном. Недостаток возможностей выбора любого рода крепко усвоен несколькими поколениями. Многолетнее подавление чувств, агрессии... Потеря «памяти семьи», когда знание своих семейных корней не выходит за поколение дедов, и насилие — мелкое, бытовое, каждодневное, почти не замечаемое — от детского сада до троллейбуса. И унижение, доминирование повсюду распространено в воздухе. Все это — прямое поле будущей психотерапии для так называемых здоровых людей. Стоит ли после этого спрашивать, найдет ли себя психотерапия в России?

Мышление русского человека, как мы уже видели, мифологизировано: люди вообще нуждаются в мифах, которые структурируют их жизнь, придают ей смысл и особое значение. Поэтому даже неосознанно большинство держится за старые мифы и зачастую не готово расстаться с ними так, чтобы не оказаться в экзистенциальной пустоте. Впрочем, люди часто готовы поменять старые мифы на новые и ждут таких возможностей и предложений. Такой обмен может продолжаться на протяжении жизни нескольких поколений. А пока старые мифы еще во многом доминируют. Назовем некоторые из них.

— Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем — тот станет всем.

— Живи ярко, в борьбе за идеалы. Умри героем и после смерти тебя ждет слава.

— Знай свое место и не высывайся.

— Светлое будущее обязательно наступит.

— Мы строим светлое будущее, а пока важно потерпеть. Каждая кухарка может управлять страной.

— Он позаботится. Он думает о каждом. Он все даст.

— Наша страна самая читающая. У нас самое счастливое детство. У нас все самое лучшее.

— Мы носители Русского здоровья, Сибирского здоровья.

По данной системе воспитаны четыре поколения людей, проживающих на территории бывшего СССР. Теперь она полностью разрушена, и в результате образовался воспитательный вакуум. Образовательные учреждения отказываются от воспитательной функций, а семья с такими функциями справиться не может. И только возрождающаяся религия претендует на воспитание новых поколений.

Итак, психология советского человека — это психология гражданина, преданного мифологическим идеям определенного учения. Это психология скромного труженика, выполняющего команды вож-

дей, пассивно ждущего наступления светлого будущего, имеющего минимальные социальные гарантии и испытывающего особый социальный страх.

Новое время принесло сегодня два мифа. Один из них говорит о деньгах, другой — о слепой удаче, о случае. Итак, новый миф — «Деньги решают все». И еще один миф. Он звучит привычно, как призыв, как лозунг — «Рискуйте, играйте, выигрывайте!». И его вариант: «Выиграть может каждый!». Важно отметить, что новых мифов еще недостаточно для того, чтобы заполнить смыслом оправдать жизнь нашего современника. Эта ситуация опасна! Сознание наших сограждан, освобождающееся от коммунистических мифов, свободно для принятия новых, возможно еще более деструктивных мифов. Глубокая психотерапевтическая работа с жителями России возможна только на основе исследования мифов, которые разделяет и которым следует пациент.

Действительно, в работе с клиентами и пациентами психологи стремятся составить представления об их мифологии и внимательно следят за тем, чем же заполнится экзистенциальная пустота при разрушении мифа. Более того, в работе с жизненными сценариями клиентов психологи иногда сознательно и активно создают новые мифы.

По мнению Н.Семенова, в настоящий момент в России существует одновременно четыре менталитета: православно-религиозный, криминальный, советский и постсоветский. Если тщательно анализировать современное общество, можно увидеть все эти составляющие. В последние годы действительно у людей появилась потребность в обращении к Богу, в поисках смысла существования. Это обусловлено семидесятилетним отрывом от церкви верующих по своей сути людей. Такие люди начинают возрождать ценности и идеалы православия.

Криминальный менталитет сложился не так давно — с середины 80-х гг. XX в. Его характеризует страсть к легким деньгам, преступные, даже жестокие склонности.

Советский 70-летний период не мог пройти незаметно, не оставив своего следа в психологии народа. Русский человек, верующий, ищущий истину, лучшей жизни и «настоящего царя», обладал еще и коллективным сознанием. В эту благодатную почву упали идеи коммунизма. После свержения императора в обществе образовался некий вакуум, который необходимо было заполнить. Веру в Бога заменили верой в идею коммунизма; царя — идеальным вождем. Таким образом, в структуре психологии народа ничего не изменилось, поменялись только составляющие.

Этой точке зрения противоречит мнение Б.Е.Егорова. Он считает, что коммунизм был насильно насажден на российскую землю. «Были использованы многие доминанты российского коллективного бессознательного, но говорить, что Россия идентична СССР — это выдавать желаемое за действительное и тем самым впадать в ошибку при анализе процессов этнической жизни. Все время существования СССР, российское коллективное бессознательное работало на выживание, и именно благодаря этой борьбе удалось в конечном итоге разрушить тоталитарный режим»¹⁴. Эта интересная своей необычностью точка зрения в принципе говорит в пользу по-

стоянства русского характера. Однако сам автор отмечает, что российский менталитет продолжает процесс своего развития, и на этот процесс оказывают влияние все новые факторы.

Возвращаясь к разделению современных вариантов русского менталитета, интересно оценить описание психологии постсоветского человека. Человек последних десятилетий все больше ориентирован на Западную систему ценностей, он научился деловитости. По данным исследований жителей Санкт-Петербурга, на первое место у них становится ценность «деньги», отодвигая на третье место ценность «семья» (сравнение преобладающих ценностей на 1993 и 1996 гг.)¹⁵. В последнее десятилетие все мы оказались как бы в чужой стране. Сегодня продолжается процесс крушения прежних кумиров, разрушения мировоззрения. Стремительное обнищание многих и обогащение избранных, резкое, невиданное по демонстративности снижение ценности человеческой жизни. Города заполнены бездомными людьми. Многие люди чувствуют себя преданными, брошенными.

Сегодняшний человек принадлежит постиндустриальной культуре с «клиповым» сознанием (Д.Ольшанский). Подобный тип сознания сформирован СМИ, рекламой, скоростью жизни. Новости даже о трагичных событиях, которые подаются сжато, незмоционально, не могут вызывать ответной реакции. Они проходят вереницей перед зрителем, оставляя его равнодушным.

В советское время психология человека формировалась принятой в обществе идеологией. Идеология проникала в психологию, поскольку каждый лозунг имел свой психологический, не только массовый, но и индивидуальный смысл. Чем же сегодня замещено место идеологии? Психологи склонны утверждать, что психологией. Психотерапевты к психологии добавляют психотерапию — и как мировоззрение, и как сумму практических технологий изменения психики человека, семьи, группы. Мировоззрение современного человека мифологично, а значит, во многом неосознаваемо и противоречиво.

Сегодня происходит большее осознание нашей общности с другими народами. Смещение многих реальностей часто приводит к экзистенциальному кризису. Ведь мы советские, а теперь уже постсоветские, люди, привыкли жить в одномерном мире. И теперь, как и раньше, нам очень важно соответствовать своим мифам. А когда в обществе есть множество различных реальностей?! Мировоззрение большинства людей весьма противоречиво и крайне эклектично. Это, с одной стороны, приводит к внутреннему психологическому кризису, а с другой — к социальному и личному успеху. Более того, стройное мировоззрение, соответствующее одной парадигме (коммунистической, капиталистической или другой) в современном российском обществе обеспечивает социальную неудачу и ведет к экзистенциальному кризису.

Для каждого отдельного человека и всех людей нашего общества необходимо общее объяснение мира и себя в мире, мировоззрение. Это система представлений, в том числе мифологических, позволяющая получить ресурсы, структурировать время, приобрести оптимизм и энтузиазм, обеспечить силы для полной самореализации и достижения жизненных целей. Важно их рассмотреть и увидеть.

Чем больше мы занимаемся психологией и психотерапией постсоветского человека, тем чаще приходим к психолого-педагогическим проблемам воспитания новых поколений. Попытаемся отследить лишь некоторые из этих проблем. В силу того, что индивидуализм в условиях кофигуративной культуры становится высшей ценностью, следовательно, ребенка необходимо воспитывать соответственно его собственным склонностям, тогда он непременно вырастет яркой, неповторимой личностью. Однако любовь к ребенку неотделима от ответственности за него, следовательно, от иерархических отношений. Эта позиция невмешательства в детскую жизнь сегодня становится во многом нарочитой, переходя время от времени в педагогический анархизм. Ныне во многих странах Запада, а кое-где и в России, дети, недовольные строгостью воспитания, имеют возможность завести на родителей дело в суде, а специальные службы принимают этих детей, консультируют их о том, как отстаивать свою неприкосновенность и суверенитет от родителей. Характерно признание Б.Спока: «Моя падчерица любит громкую музыку. Я не выношу какофонии, но не стану запрещать ей слушать музыку на полную катушку. Поэтому мы устроили в ее комнате звукоизоляцию». Вот так, полная звуко- и звукоизоляция взрослого и детского миров — результаты автономистской самодостаточности. Большинству сегодня и не приходит мысль о том, что лучшие человеческие качества раскрываются именно через совместную жизнь, взаимное проникновение души родителя и ребенка.

Изменены сегодня ценностные и мировоззренческие установки и настроения молодежи. «Бери от жизни все!» — популярный рекламный девиз полнее всего отражает парадигму современной культуры. За кадром при этом остается вопрос о том, откуда это «все» возникает. Детство и юность становятся временем беспрецедентного иждивенчества и инфантилизма, а «молодежность» — идеалом, полюсом притяжения для всего общества. Мораль здесь примерно такова: не следует торопиться взрослеть, во взрослом состоянии нет ничего интересного, т.к. все самое захватывающее, веселое и радостное лежит в плоскости молодежных «тусовок». Такова революция вкусов и ценностей «поколения *next*, выбравшего Пепси». Вся современная молодежная культура целиком держится «на протесте отпущенного на волю потребительского инстинкта против всего, что ограничивает и регламентирует это потребление» (А.Рогозянский). Традиции, правила и прочие комплексы кажутся обременительными, бессмысленными и ханжескими. Удивительно, ведь это протест против самой центральной причинно-следственной логики бытия — сегодня ты трудишься — только завтра получаешь вознаграждение. Либеральная же установка на удовольствие приводит к тому, что главный акцент с кропотливой работы, собранности и целеустремленности перемещается на развлечение, экзистенциальный же вакуум дает почву и закрывается рядом четко структурированных течений, имеющих свою философию и культуру: тоталитарными течениями, сатанинскими культами и альтернативными организациями.

Таким образом, исследователи сегодня диагностируют тотальную ломку самих основ русского национального характера. Четы-

ре поколения, в течение жизни которых происходила организованная подмена ценностей, архетипов русских людей вполне достаточны для того, чтобы сформировать новый менталитет и новую психологию советского и постсоветского человека. Однако архетипические черты русских, для которых важнее коллективизм, чем индивидуализм; верование, чем рефлексия; правила морали, чем закон; страдания, чем радость; переживание грусти, чем счастья — до сих пор присутствуют в глубинах национальной психологии. На наш взгляд, обеспечение основ психического здоровья для современного постсоветского человека возможно лишь через возвращение к классическим историческим способам миропонимания, а также через актуализацию у русского человека собственных резервных возможностей для преодоления трудностей, развитие навыков само- и взаимопомощи.

БИблиОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гнатенко П.И. Национальный характер: мифы и реальность. Киев, 1984.
- ² Сикевич З.В. Русские: образ народа. — СПб., 1998. С. 136.
- ³ Гнатенко П.И. Указ. соч. С. 28.
- ⁴ Ключевский В.О. Русская история: Полн. курс лекций: В 3-х кн. Кн. 1. М., 1994. С. 53.
- ⁵ Там же. С. 279.
- ⁶ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 64.
- ⁷ Лихачев Д.С. Заметки о русском. М., 1984. С. 10.
- ⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб, 1995. С. 74.
- ⁹ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 39.
- ¹⁰ Джидарьян И.А. Счастье и удовлетворенность жизнью в русском обществе // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 111.
- ¹¹ Егоров П.Е. Современный российский клинический психоанализ. М., 2002. С. 92.
- ¹² Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 126]
- ¹³ Там же. С. 138.
- ¹⁴ Егоров П.Е. Указ. соч.
- ¹⁵ Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI Века // Псих. журн. 2000. № 3.

К.В.БАРИНОВА

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ: ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Россия, как это уже неоднократно было в ее истории, в начале XXI в. вновь стоит перед выбором путей своего развития: либо западный путь (по терминологии философа и культуролога конца XIX в. Н.Я. Данилевского — «европейничанье»), либо сохранение своей самобытности в мировом сообществе, обеспечение национальной безопасности, политического суверенитета, устойчивого социально-экономического развития.

В этой ситуации представляется целесообразным обращение к русской истории. Почему? Прав был Цицерон, когда утверждал, что *Historia magistra vitae* («История — наставница жизни»). Именно из истории извлекают уроки, у истории учатся, но лишь в том